

БАЛАГАН

Автор:

Чеслав Одиссей

БАЛАГАН

Чеслав Л. Одиссей

Во второй Каденции говорится о никчемности бывшего двора и жестокости нынешних правителей. Взваливая на спину мешок, король уходит сдавать бутылки, чтобы купить поесть, сопровождаемый гвардейцем с таким же гремучим тюком. Шут и Лир за поздним завтраком ведут беседу о бренном и о вечном, вспоминая события последних дней. После посещения в родительскую субботу кладбища ночь они провели в одном из супермаркетов, где тайком, но не случайно остались после выгрузки товара. Шут заметил, что хозяин магазина Эдмунд при расчете с грузчиками положил ключи от сейфа в стол. Изнуренный нуждой он первый раз в жизни решил воспользоваться оплошностью нувориша, и вся наличность из сейфа перекечевала в карманы нашего дуэта. Утром с первыми покупателями они вышли из своего убежища и обильно отоварились провиантом, прихватив ящик водки. Было решено вложить деньги в книги.

или

САГА о СЛОНЕ

ДИВЕРТИСМЕНТ

Использована вся музыка к спектаклю «Король Лир»

в постановке ЛБДТ им. М. Горького 1940 года, включая

«10 песен Шута» к I акту, «Балладу Корделии» на тексты

С. Маршака и музыкальные интродукции к картинам

Литературный редактор В.П. Дяченко

Автор сердечно благодарит за посильный вклад в работе над

текстом В.А. Ковалевского, В.М. Чекалина, А.Д. Кашпура,

А.В. Ишунина, В.В. Ишунина, И.Р. Галимова, А.В. Разагатова,

А.Д. Щукина.

Сценарий «10 каденций Шута». Удостоен региональной

литературной премии им. А.С. Масельского в номинации

«Драматургия» (2009 г.).

Лауреат VI Международного фестиваля литературы и культуры

«Славянские традиции – 2014».

Памяти

моей жены Тамары

посвящаю

Сергей Черняев

Последний из рода

Из золотого кубка Валтасара

Я пил цикуты горькую тинктуру

И распинал монашек на столе.

Осмыслив грех как некий род нектара,

Анналов перечтя макулатуру,

Я крест поставил на добре и зле.

Каков итог? Проклятия на стенах.

В душе былых страстей каменоломня,

В паху, как взаперти, немой щегол.

Я смерти продал душу за бесценок –

Утрата тем нелепей, чем огромней,

А на ладони, как плевков, обол.

В урочный час не деспотом – шутом

Пристало быть тому, кто слышит ветер

И знает, что секира у корней.

Я истину ловил набитым ртом,

Все вина перепробовав на свете,

Но не приблизился и на полшага к ней.

И в судный день, устало обзрев

Чужие сердцу и уму пенаты

И позавидовав не Крезу, но скопцу,

Я погашу огонь на алтаре

И буду голосить как бесноватый:

Проклятье миру и его Творцу!

КОРОЛЬ ЛИР В ХАРЬКОВЕ

Существование реального автора Шекспириады до сих пор наукой не доказано. Вопрос этот, видимо, еще надолго останется открытым. Автор «Десяти Каденций Шута» своеобразно нащупывает пути к расшифровке кода таинственного Шекспира. Речь не идет об историческом исследовании или о существовании каких-то еще неизученных документов. Перед нами произведение искусства, а ненаучный трактат. И не важно, был ли автор гениальных пьес английским вельможей или простым актером. Правда, смущает тот факт, что словарь драматургии и поэтического наследия Шекспира в 2.5 раза превышает словарь Пушкина. Не говорит ли это о том, что Пушкин, несмотря на глубину и изящество своей поэзии, отчасти был эпигоном западной культуры, а русский литературный язык находился еще в стадии становления и формирования? Именно А.С. Пушкин, уходя от усложненных форм литературного языка своего времени, пытался максимально приблизить его к разговорной речи, будучи высоко образованным человеком, по возможности избегал иностранных слов.

Имел ли возможность актер, живший в XVI веке, даже самый выдающийся, достигнуть уровня образованности, какой могли иметь лучшие представители высшей аристократии? Ведь в пьесах Шекспира буквально с реальной достоверностью отображена история европейского средневековья мельчайшими подробностями придворных интриг, психологических лабиринтов и документально-исторических тайн, проникнуть в которые пусть и гениальному человеку, но не имеющему к ним прямого доступа, было бы практически невозможно. При этом католическая церковь под давлением инквизиции не разрешала даже хоронить лицедеев на общем кладбище. Не секрет, что успех произведения в значительной степени зависит от того, насколько автор находится в материале, проникнут тем, что изображает. И в самом псевдониме

(если это, конечно, псевдоним) скрывается не совсем адекватное для простолюдина свойство, так окрестившего себя: Shake spear (англ.) – потрясающий копьем). А вот гипотеза, которую, излагают некоторые шекспироведы: Очень знатный вельможа, автор инкогнито, не желающий обнародовать свое имя, типа Болленброка, если не более высокого происхождения, приближенный при Дворе и посвященный в его сокровенные тайны, носящий информацию и имеющий к ней доступ, дал в руки Шекспиру, доверяя его таланту режиссера, материал для сценической постановки, оставаясь при этом не признанным. Шекспир-имярек жил четыреста лет назад. Тем не менее, творчество его актуально по сей день. И оно во многом современнее, чем тонны макулатуры, переведенной в Украине за последние годы, особенно в области законотворчества. Наверное, дело не в том, кто печатался под именем или псевдонимом «Шекспир», а в том, что с мужеством Одиссея (так зовут нашего автора) он до сих пор по-рыцарски потрясает копьем в неравной схватке с «неукротимой мельницей»... По аналогии с Дон-Кихотом Сервантеса (другим героем классической литературы той же эпохи) в благородном порыве хоть на йоту исправить этот закостеневший в грехах и погрязший в пороках «обезумевший мир». Это тот случай, когда возникает потребность писать, потребность органическая, когда нельзя не писать. Что и демонстрировала до революции 1917 года тенденциозная литература, – с уверенностью и смелостью хирургического скальпеля вскрывавшая социальные язвы (настолько влиятельны на рубеже XIX–XX веков были общественное мнение и роль писателя в его формировании), – под идеологическим натиском тоталитаризма переродившаяся в советские времена в так называемый социальный заказ. 1920-е годы. Невзирая на гражданскую войну, – небывалый культурный взрыв. Праздник авангарда, поиск новых форм, смелых решений и оригинальных конструкций. Тогда же основоположник социалистического реализма М. Горький назвал писателей «инженерами человеческих душ». Как будто оправданы все предыдущие за сто лет жертвы за "будущие конституционные свободы", начавшиеся с благородного «аристократического бунта» декабря 1825 года до Цусимы и обеих революций 1905 и 1917 гг. Но в итоге верх одержала тоталитарная установка, связанная с узурпацией власти. И со свободами пришлось распрощаться.

Я спросила у автора, к какому политическому течению он себя относит. И он ответил, что скорее является сторонником чистого искусства. Вчитываясь в материал, я убедилась, что в нем действительно не ощущается стремление кому бы то ни было потрафить, что все происходит по своим внутренним, если хотите, законам языка и творчества, если только не ниспослано свыше... Автор не мог больше сдерживать накопившиеся внутри противоречия и молчать

о наболевшем. И тогда на сцену, как по зову походной трубы, приходит Shakespeare.

Искушение перенести действие пьес Шекспира в современность всегда было велико. Автор «10-ти каденций Шута» сосредоточил свое внимание на одной из вечных тем – трагедии короля Лира. Разделение страны на части, лесть, обернувшаяся предательством, глумление над старостью – чем не сегодняшний день, чем не наше «современное» государство, доведшее отношение к своим согражданам до нелепости?! Нет, до преступления в «пост коммунистический период», следующий за эпохой, когда выдвигался лозунг «Все для человека, все для блага человека!». И вообще, трудно охарактеризовать данное время. Разве что, – следуя ведическому учению, – мы находимся в периоде калиюги, где царят продажность и воровство, а во власть проникает криминал. Это – природа эпохи. Именно такого склада люди в ее царствование чаще оказываются в нужном месте в нужное время. Не факт, что они непременно все преступники и связаны с криминальным миром или возглавляют его корпорации. Просто такова тенденция времени. А лишенный королевства и владений, выгнанный на улицу Лир и его верный Шут – разве не лица без определенного места жительства? Да, они и есть самые настоящие бомжи, потому нами так естественно воспринимаются и спящий прямо на улице у затухающего костра Шут, и собирающий пустые бутылки Лир. Всё узнаваемо вокруг: наш Харьков с его садом Шевченко, Госпромом, книжные развалы в Классическом переулке. Проносящиеся мимо правительственные кортежи, ночные фейерверки и лозунги «Свобода слова!», «Власть народу – а не олигархам», «Украина – в НАТО»... Это – наша жизнь. И два персонажа из давней трагедии, жившие в стране первого европейского парламента, так органично вписываются в нее: под открытым небом пьют пиво на собранные бутылки, заедают плавленым сырком «Дружба» (название, перешедшее к нам из «прежних времен, застольных»), закусывают килькой в томате и баклажанной «икрой заморской». И разговаривают, рассуждают – о бренном и о вечном...

В диалогах и монологах героев, дополняя друг друга, изящно переплетаются рифмованные строки авторской речи с шекспировским метром песен в талантливом исполнении Маршака:

1-я ПЕСНЯ

Тот, кто решился по клочкам

Страну свою раздать,

Пусть приобщится к дуракам,

Он будет мне под стать...

Далее автор:

А тут еще и перекрыли газ!

Армагеддон теперь у нас:

Восток на Запад - брат идет на брата!

Раздел, разор, бесплодные дебаты!..

Проблему развязать не могут языков...

Трудно даже сразу понять, где прошлое, а где настоящее, - настолько все похоже. Симбиоз реального и шекспировского у автора сделан мастерски. Сны Шута, в которых оживает старая Англия, двор короля, дамы, рыцари, шум волн, бьющихся о холодные скалы туманного Альбиона, незаметно переходят в захламленный мусором городской сквер, шумные улицы, милицейский патруль. И только человеческая сущность главных героев - Лира и Шута, - остается той же, хотя и рядится в другие одежды. В стиле эпической драмы, - исторически более приближенной к литературному жанру, - действие раскрывается через монологи и диалоги героев, достигая высшего накала в 6-й песне:

Когда судья грешить не будет

И без причины не засудит,

Когда умолкнет клевета,

Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,

А ростовщик сундук откроет, –

Тогда-то будет Альбион

До основанья потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами

Вверх головами, вверх головами,

Вниз ногами!–

и своего апогея – в 7 каденции:

Кто служит верой королю –

И власть с ним делит, и петлю... –

пройдя через кульминацию Бури в 9-й песне, – выходит на финал в

10-й песне:

Но он с тобой, твой верный Шут,

Служил он не для денег. –

и 10 каденции:

Так вот десятая каденция моя:

На паперти надежду обретая,

К Всевышнему взывая и моля,

Любите всех людей... –

где утверждается несокрушимая сила настоящего искусства, возвышающегося над политикой и повседневной рутинной истинным человеколюбием.

Если пьеса будет поставлена так, как это задумано и написано автором – с использованием великолепной театральной музыки Шостаковича и адекватных оригиналу «Песен» Маршака, сценической пластики и спец эффектов – нас ждет отличное зрелище. А также – пища для ума и сердца, навеянная умной и талантливой аналогией с шекспировской трагедией. Я надеюсь в скором времени прийти в один из харьковских театров на премьеру «10 каденций Шута». Да, именно в харьковский, – потому что в пьесе отображен наш Харьков, потому что в ней мы проходим знакомыми улицами, узнаем родные места. Впрочем, аналогия может быть проведена и с другими городами Украины, и не только Украины. Но это не значит, что автор космополитичен и оторван от украинских реалий. Нет, автор не оторван ни от родных мест, ни от своих соотечественников. Он по большому счету патриот. Это ощущается и в языке пьесы, характерном для данного региона Украины, и в каждой строчке, отдающей болью за людей и родной город:

Наш Харьков далеко не Вавилон,

Но с двуязычием давно сроднился он!..

В ремарках и указаниях сценографии автор предлагает довольно подробную режиссерскую партитуру, – насколько это возможно в литературной части пьесы, – для театральной постановки в различных сценических жанрах: как в музыкальном театре, драматическом, или средствами анимации. Остается только ее прочитать...

ЗАКАНЧИВАЯ писать эти заметки, вдруг вспомнила: а ведь я видела его – короля Лира! В центре Харькова, иногда у метро «Университет», иногда на улице Дарвина, у Дома актера, а порой именно в парке Шевченко стоит и ждет подаяния старик, у него седая шевелюра и борода, в руках он держит картонку, на которой крупными буквами написано двустороннее – что-то вроде: «Голод лют – гонит в люд». Он высок, худ, но чувствуется в фигуре грация и достоинство, а в густой бороде чудится ироническая усмешка. Не его ли увидел и тоже узнал автор «Каденций»?

Ирина Глебова, член Национального союза писателей Украины

Искусство и политика

Политика и искусство в действительности не часто пересекаются друг с другом, если искусство не zaangażировано политиками (соцреализм) или является инструментом декларации политических воззрений художника (пьесы-плакаты Брехта), либо – идейное служение политике (яркий пример – Маяковский). На самом же деле, искусство гораздо шире, ибо отображает все грани человеческой жизни. В силу крайней прагматичности политики распространено мнение, что это – весьма грязное дело. Конечная цель любой политики – приход к власти или силовой ее захват. И как говорится, цель оправдывает любые средства. Что мы и наблюдаем часто в истории, да и практически в повседневной жизни. Участие в

политике, а главное – гарантия успеха – предполагают отказ от многих идеалов и принципов человеческого общежития, когда декларируется одно, а на деле осуществляется совсем другое... Искусство, отображающее жизнь в полном объеме и во всех ее проявлениях, часто ассоциируется с чистотой, духовностью, гармоничным развитием человека и общества – именно по причине его идеологической подоплеки. Вернее, оно используется различными идеологами в своих целях. Но так было далеко не всегда. И в средние века лицедеи хоронили за пределами общего кладбища, как нечистую силу. Во всех сферах человеческой деятельности присутствует т. наз. человеческий фактор, который, как известно, трактуется со знаком минус. Когда же вместо минуса проявляется плюс, то возникает тенденция присвоить ему героические, либо иные исключительные черты, хотя это – скорее норма для человека. А в творчестве – одухотворенность ваятеля приближает его к Творцу. В горниле положительного человеческого фактора куется три ипостаси: "герой", "святой" и "творец". Именно положительный человеческий фактор трактуется как духовное подвижничество. Отсюда утверждение, что гений и злодейство не совместимы. А также – библейский постулат: «... по образу и подобию Своему». Раз уж мы затронули духовность, то вспомним давнюю связь политиков с клириками. Примером тому служит сама католическая церковь. Известен давнишний тезис иезуитов о бездуховности светского искусства, где «оголяются все уродства слабой человеческой натуры». Если церковные ортодоксы терпимо относятся к живописцам и скульпторам, которые пишут для них иконы (в Православии) и лепят (у католиков) изваяния, то особенно не благоволят они к актерскому ремеслу, где за свою творческую биографию артист проживает множество чужих жизней, которые, по сути, становятся его собственными. В этом-то и заключается главная неприязнь к актерам, за что их и прозвали лицедеями. Христианские священники каждый Божий день под Крестным куполом во время Божественной литургии разыгрывают одну и ту же Вселенскую драму (распятие и воскрешение Сына Человеческого) – Начало начал, Альфа и Омега, ставя на место и отменяя в сторону других исполнителей и прочие театральные подмостки Земли. В идеале только она одна, по мнению христианских ортодоксов, имеет право на существование.

Тем не менее перед нами попытка поднять политические и социальные проблемы современной Украины в художественной форме, в музыкально-поэтической драме, где в современный Харьков перенесены персонажи средневековой Англии, воспетые еще Вильямом Шекспиром. Ценность подобной аллегории состоит в том, что Шут и король Лир, Глостер и Эдгар с высоты времени могут сказать нам то, что далеко не всегда решаются озвучить современники – нелицеприятную правду о нашей жизни. Они словно призывают

вовремя спохватиться, одуматься, и прекратить политические игрища, реально улучшить жизнь людей, очистить нравственную и возвысить духовную жизнь общества. В ткань пьесы искусно вплетены зарисовки политической жизни. В историческом экскурсе финала лейтмотивом проходит идея дружбы и братства, единства славянских народов. Эта идея должна быть востребована в Украине как в сильной, независимой, демократической стране, колыбели славянской государственности, где в модели военного устройства о.Хортица и в казачьей конституции Пилипа Орлика явно просматриваются черты средневековой демократии и органически слились традиционно сложившиеся положительные тенденции Востока и Запада.

Здесь за порогами Днепра встал остров – мощный плот

В волнах истории и вольницы оплот.

И мир узнал об Украинском вече,

Про славу казаков и Запорожской Сечи...

При этом извечный спор между двумя системами ценностей должен решаться без какой-либо конфронтации, конструктивно, мирным и цивилизованным путем.

Если говорить о конкретном городе (Харькове), отображенном в пьесе и галереи ее героев, несколько завуалированных, хотя при наличии определенной информированности легко читающихся, то без особой натяжки драму можно назвать исторической энциклопедией современной харьковской жизни, решенной в гротескно-памфлетном плане.

Пьеса уже была высоко отмечена как на престижном литературном конкурсе Слобожанщины имени А. Масельского, так и на Международном литературном форуме «Славянские традиции и культура». Но в полной мере художественные достоинства произведения (тем более связанного с великолепной театральной музыкой Шостаковича) будут оценены после постановки на сцене. Для нас же ценна сама мысль показать политические и социальные проблемы отдельных людей и общества в целом сквозь призму поэзии и драматургии, попытка помочь

в разработке путей их разрешения. Это важно как для современников, так и для будущих поколений.

Андрей Яненко, член правления Славянского комитета Украины

От автора (о предыстории создания)

Уважаемый читатель! На титульном листе в лаконичной форме я указываю на источник создания «10-ти каденций Шута». Это – «Десять песен шута» к I акту трагедии Шекспира «Король Лир», на которых собственно и основан сценарий («Дивертисмент» – музыкальные номера, вкрапленные в общую ткань сценического действия) и которые издавались в советское время отдельным вокальным циклом и были в моем репертуаре с консерваторской скамьи. В 1988 году с успехом исполнены в объявленном среди солистов Луганской филармонии конкурсе театральной музыки, что послужило немалым стимулом в последующем развитии этой довольно непростой темы. Произведение привлекло именно своей игровой стороной и эмоциональной насыщенностью. В пореформенное время и по сей день актуальность цикла (судя по первым строкам 1-ой песни) только возросла:

Тот, кто решился по кускам

Страну свою раздать...

Со временем именно сценическая грань цикла привела к мысли, что два гениальных соавтора Шекспира сделали из «10 песен шута» мини спектакль, где ведущую роль занял шут, беззаветно преданный королю, т.е. «Король Лир» подан сквозь призму видения Шута. Идея оказалась настолько благотворной, что «Песни» непроизвольно стали обрастать небольшими диалогами и монологами, – и это приняло необратимый процесс. Счастливым подспорьем послужило и то обстоятельство, что до консерватории

я изучал поэтику в университете и имел некоторый опыт в стихосложении. Позже я узнал о существовании инструментальной музыки и «Баллады Корделии», созданные наряду с «Песнями» к постановке ЛБДТ им. Горького 1940 года.

На рубеже тысячелетий, в канун президентских выборов в Украине «Песни» (до «Каденций» было еще далеко – первоначально сценарий занимал 7 страниц и предполагал действие в стиле Петрушки, откуда и вырос «Балаган») надолго угодили в стол.

Но Высший Закон гласит, что любой труд во благо не проходит даром. И вот пришло время, когда «Каденции», проснувшись, стали настойчиво проситься на волю. И мне ничего не оставалось, как только внять им, и, проведя довольно продолжительную, но полезную для обеих сторон полемику, с отеческим благословением отпустить на свободу.

Поэтому в отношении жанра пьесу можно смело отнести к публицистической драматургии.

Все комментарии к трудным местам текста находятся в конце книги.

10 КАДЕНЦИЙ ШУТА

БАЛАГАН (представление действующих лиц)

Автор

Эй!!! Не держись за свой карман –

Скорей спеши в наш балаган!

Увидишь ты, как старый Лир,

Всё раздарив, стал гол и сир.

Преданья старины не врут,

Что был ему опорой Шут,

Как разделил с народом боль

Из дома изгнанный король.

Расскажут много Лир и Шут,

Еще станцуют и споют.

Вот лицедеи к нам пришли:

Шуты, плебеи, короли.

Есть тайная средь них персона,

Скрывается под чешуей Горгоны.

Ладошек нежных не жалея —

Встречай же их ты веселей!

Поочередно проходят герои балагана.

Одна Горгона остается неподвижной над всеми.

Шут

Всех больше в пьесе я пою —

В конце каденцию даю.

Лир

Но звучную довольно лиру

Вручает автор также Лиру.

Корделия

Любить так бескорыстно, до конца

Из трех сестер лишь я могла отца.

Глостер

Как автором вопрос поставлен остро,

Расскажет призрак – ослепленный Глостер.

Эдгар

Что подтверждается его поводырем...

Автор, он же

Виктор

А дальше – о других и о другом:

Так держится любой на свете двор

На трудовом народе – это Хор.

В мимансе выйдут к нам порядка стражи –

Закон блюсти их дело, как прикажут;

За ними Магдалина, клерикал и нувориш;

Вначале ж – дворянин, охрана свиты.

(себе) (Но ты, приятель, много говоришь).

Через века их гнезда были свиты

В кварталах Харькова; Шекспир их описал,

А Шостакович в нотах набросал...

И мы с Медузой оказались квиты.

Свет гаснет. Лучом прожектора на правой стороне занавеса освещается
эпиграф:

Не спи, не спи, художник,

Не предавайся сну.

Ты вечности заложник

У времени в плену.

Борис Пастернак

Первый сон Шута

Звучит музыкальная тема «Вступление»

Три плана-уровня:

На 1-м плане – где происходит само действие – возле костра спит Шут, издавая «симфонию» храпящих и свистящих звуков. Храп Шута переходит в звуки природных явлений: гомон птиц, всплеск волн, порывы ветра. Возле Шута вырастают призраки Глостера и Эдгара. Затухающий костер время от времени вспыхивает. Медуза-Горгона на 3-м плане-уровне, где возникают потусторонние явления, или на экране сценического задника начинает свой мистический танец со змеями вместо волос. Из глубины 2-го уровня – где рождаются каденции – один за другим появляются и тут же под взглядом Горгоны застывают в камне скульптурные образы, иллюстрирующие Пролог.

Пролог (решается в статической пластике)

Глостер

О ревность старости!

О слезы скорби памяти!

Когда бы доносил вселенский слух,

Где гений зла подстерегает, как недуг...

Эдгар

Лик независимый и гордый дух

Вмиг обращая в жалкого сатира!

Так властелин Полуночного мира,

Господарь Тауэра, победитель Рима

Под грузом горя превратился в Лира.

Вместе (на затылках Глостера и Эдгара оказываются маски Каина и Авеля, которыми они иллюстрируют следующую реплику, по очереди поворачиваясь к залу спиной)

В двуликом Янусе сокрыт и бог, и дьявол:

Вот лик убийцы – Каин, вот жертва злобы – Авель.

Горгона исчезает. Каменные изваяния скрывает полумрак.

Горгону сменяет Мерлин, Глостера и Эдгара – Корделия.

На 2-м плане-уровневновь оживают окаменевшие в Прологе фигуры, иллюстрирующие балладу Корделии. В своей динамике они заполняют пространство сцены и возвращаются на свои места.

Баллада Корделии (решается в динамической пластике)

Корделия(выйдя на 1-й план из окаменевшей группы, поет)

За темным морем на скале стоит высокий дом.

Гнездятся птицы в вышине, но пусто в доме том.

Давно, давно потух очаг, не слышно голосов,

И только ветер, буйный гость, тревожит тихих сов.

Принес он весть издалека, что господин исчез,

Что за моря и облака его унес Мерлин.

В зеленой дальней стороне на черном призрачном коне

Он скачет в золотой броне и видит дом во сне.

Летает ветер и поет, вокруг небес огром.

Не откликается никто и пуст высокий дом, и пусто в доме том.

Образ Корделии тает в сновидениях Шута. Ветер разгоняет туман. Первые лучи солнца вместо мрачных скал с высоким замком и лесом озаряют узнаваемый силуэт Харькова: Зеркальную струю, Госпром, университет, парк Шевченко. На месте Мерлин – памятник Тарасу, а вместо застывших в Прологе фигур – его скульптурную группу.

.

ДИВЕРТИСМЕНТ I

Звучит тема «Фанфары»

Костер еле теплится. Вокруг разбросаны бутылки.

Возле спящего Шута стоит недопитая бутылка вина и две пустые пивные кружки. Появляются гвардейцы из королевской охраны в походных шинелях, или камуфляжных костюмах.

1-й гвардеец (глядя на притихшего Шута)

Спит, как убитый, заместитель наш...

2-й гвардеец

Его повергнул от Эдит купаж...

1-й гвардеец

Как надоел король своим нытьем!

Я что – в колодки заточен ему, повязан?

2-й гвардеец

«Хоть катаньем или мытьем» —

Ты охранять его обязан.

1-й гвардеец

Нам собирать бутылки – где устав?

Ведь мы же королевские гвардейцы!!

2-й гвардеец

Возможно, ты, товарищ, прав, –

А если прав, приятель, – действуй!

Замерев на секунду, 1-й гвардеец бросает на пол собранную посуду и уходит.

Лир собирая бутылки, то и дело спотыкается об них.

2-го гвардейца, который хотел было последовать за товарищем, останавливает приблизившийся к королю человек в слегка помятом английском пальто. Охваченный агрессией гвардеец опускает наземь мешок со стеклотарой.

Ты кто такой, не подходи зазря!

Виктор

Я дворянин из свиты короля.

Лир

Ах, это ты; прости его, Виктор!

Виктор

Я уйду, прощайте, монсеньор.

Лир

Ступай, Виктор, и будь навеки с Богом,

Дай обниму тебя хоть на дорогу!

Обнимаются. Виктор уходит.

Лир(продолжая собирать посуду)

От склянок зелья проходу нет вокруг!

И с кем же столько выпито, мой друг?

Шут (отгоняя мух и вновь впадая в сонное забытье)

Коль в мире царствует злой рок,

Всегда я напиваюсь впрок...

Лир (отвлекаясь на другую мысль)

С другого боку - хоть с утра

Сдадим мы их - нет худа без добра!

Ура, товарищи, ура!

Шут

Ты поспешил бы, господин,

(сонный) Уже открылся магазин!

Позволь, с похмелья полежу,

А там, даст Бог, и закушу?

Ведь с бодуна одна мораль:

Здоровья нет – его и жаль.

(Поворачивается на бок).

Лир

Дивлюсь тебе, поэт-философ!

Шут (зевая)

Оставь, король, все это проза.

Поэзия была вчера —

Достойна классика пера!

(Отталкивает ногой пустую бутылку, передразнивая Лира)

Ура, товарищи, ура!

Лир (уйдя в себя)

Путь завершил прехитрый Одиссей...

Тогда мне Бог послал троих детей —

Хмель сладкий королевского венца,

Счастливей в мире не было отца!

На 3-м уровне появляются астральные образы дочерей Лира.

Трех дочерей. Сначала двух. Потом

Явилась младшая в наш королевский дом.

Души не чаял я в Корделии своей —

Для сердца не было, и нет ее милей!

Вся простодушие и чистый лик —

Навеки я душою к ней приник.

Лишь лучшее она взяла от нас,

Корделия, моя царица!

Откуда бедствие, что за напасть?

Насквозь пронзила мое сердце ревность!

Когда как я ко власти зыбкой ?

Присовокупил все ошибки...

Уж лучше б суждено мне было красть ?

Как развращает человека власть!!!

Шут (проснувшись)

Не плачь, король, оставь и будь здоров!

(Пьет) И без тебя достаточно воров!

Лир (не обращая внимания на Шута)

Я счастлив был,

Но все внутри остыло.

Из дочерей троих не оценил

Одну – которая меня любила,

И я которую сильнее других любил!

Всех старшая была велеречивей.

Она же – всех корыстнее была!

И, как дурак, поддался я на чары

Той сладкой лести, что с ума свела!

(При этих словах Шут вскакивает и тенью следует за Лиром)

Второй – за ложь ее в устах Иуды –

Оставшуюся отдал часть страны.

А младшую лишил и малой ссуды

Приданого! Вот воля Сатаны!!!

1-я песня

Шут (громко, из-за спины Лира; тот с испугу шарахается в сторону; Шут перехватывает его руку, и они танцуют хоро)

Тот, кто решился по клочкам

Страну свою раздать,

Пусть приобщится к дуракам,

Он мне как раз под стать.

Мы встанем с ним рука к руке –

Два круглых дурака:

(Как бы забрасывает Лира на 2-й уровень).

Лир

Один в дурацком колпаке,

Шут (в шутовском реверансе следуя за королем)

Другой без колпака!

Отталкивает Лира и тот садится на край 2-го уровня.

1 каденция

Каденций старт беру я от ноля:

Власть ? априори дело короля!

Все каденции претворяются на 2-м уровне. Каждую из них одновременно предваряют музыкальный акцент, смена мизансцены и световой эффект. При этом на экране сценического задника появляются соответствующие картины, либо – лазерное шоу. Его можно применить и в Прологе в случае малочисленности пластической группы.

Звучит тема «Возвращение с охоты»

Бесконечным потоком проносится правительственный кортеж.

Шут

Какой кортеж! А как идет красиво!

Такой эскорт я не видал с тех пор,

Как прокатился по стране Голодомор...

(Лиру) Как чувствуешь себя?

Лир (поникший)

Как вы-с<т>рана-я слива...

Шут (отходя в сторонку)

Да мне не лучше, бос-с....с<э>р, пошли все на!..

(Шарит по карманам, вытряхивая какую-то мелочь)

Придется жрать овес – скорее бы весна!

Лир

И бог с ним, Шут, пусть – лишь бы не война!..

Шут

А что война?! Была бы в ней потреба...

Ведь кормят зрелищами нас – когда нет хлеба!

Лир

Вообще-то, Шут... ты дружишь с головой?!

Шут

Вообще-то ты из высшего сословия,

А требуешь у хворого здоровья?

Война что мать – накормит всех с лихвой.

И сытно тем,

Кто на войне вживають

Метал в карман, а кто – в живот;

Кому в Эдем,

Кто прямо в ад – без квот.

Ну, кто чего желает!..

Лир (вглядываясь в удаляющийся кортеж)

А кто это с флажком их провожает?

Шут

Похоже, егерь из-за океана.

Лир (про себя, качая головой)

Как жаль, что нет в живых Осанна —

Он в землю бы втоптал беснующихся блажь!

Но в лучший мир умчался слоник наш...

Шут (не слушая его)

Да, супер представительства «Ниссан»! А?..

На солнце никель – словно золотом прошитый!

Лир

Я не про это... Шут!.. эй!

Откуда столько сытых?

Шут

Будь хоть с пеленок у руля, –

Играет свита короля!..

(Ногой постукивая по мешку, где гремят пустые бутылки)

С удачей, С-С-СЭР! (икает)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/odissey_cheslav/balagan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)